

надписей показали, что даже в III—IV вв. н. э. в тех случаях, когда дифтонг под влиянием окружающих звуков «стягивается» в долгую гласную, орфография отражает это явление выпадением «слабого» согласного в написании. Так, форма 3-го лица множественного числа перфекта имеет окончание w: f'lw (*fa'alaw), но при присоединении местоименного суффикса происходит стяжение и w исчезает: f'lhwa (*fa'alūhuwa)¹¹. Следовательно, мы можем прийти к выводу, что правилом южноарабской эпиграфики было строго консонантное употребление w/u; это чрезвычайно важно для интерпретации текстов и выявления грамматических явлений.

Рецензируемая работа богато иллюстрирована примерами из надписей, что делает изложение наглядным и убедительным. Примеры сопровождаются переводами и надежно документированы ссылками на тексты. Г. Бауэр проделал огромную работу по отбору иллюстративного материала и проверке его истолкования и грамматической интерпретации. Однако в переводах не всегда соблюдается филологическая строгость, необходимая в грамматическом исследовании. Так, не следует переводить kwn «господствовать» (стр. 49), bkrn/w'hyhw «Бакир и сородичи его» (стр. 102), sb'/wfyšn «сабейцы (из общины) Ф.» (стр. 102), lbyr/X «для семейства X» (стр. 110), hwšt «поселил» (стр. 113; следует — «повелевал, приказал»).

Можно отметить и непоследовательности в переводах; так, термин mnš' переведен то как «общественная повинность» (стр. 45), то как «поход» (стр. 67), wtn — то «межевой столб» (стр. 50, 54 и т. д.), то «идол» (стр. 100, 101) mhd — то «вал» (стр. 61), то «башня» (стр. 57) и т. д., глагол t'lm — то «составлять» (стр. 50), то «подписывать» (стр. 105).

Такие же непоследовательности можно отметить и в грамматических толкованиях некоторых примеров. Так, термин uwmt объясняется в одном случае как абстрактное имя — «датировка» (стр. 45), в другом — как правильное множественное женского рода от uwm «день» (стр. 61). Выражение kn/htbw/whhg переведено на стр. 109 множественным числом («решили и приказали»), а на стр. 112 — единственным («решил и приказал»).

В некоторых случаях в качестве примеров избраны тексты, грамматическое толкование которых спорно. Так, во фразе bhg/s'r/wtwn/s'r/wwn/bhw Г. Бауэр понимает слова s'r/wtwn как имена существительные, а s'r/wwn — как глаголы: «согласно надписи и трассирке (? — А. Л.) границы, которую составил и которую провел отец его» (стр. 50, ср. перевод на стр. 78, прим. 131). Однако существует и обратное толкование: «по распоряжению написал и разграничил надпись и межевые столбы отец его». Термин mdrft Г. Бауэр понимает как множественное число от единственного mdrf (стр. 57); более вероятным кажется противоположное толкование, если привлечь контексты СИН, 541, 42—43 mdrft/d'fn «водосток зу-'Афан» и Ja, 671, 12 kl/mdrft «все водостоки». Выражение sm'm/dt'lm (RES, 3951,6) следует переводить не «свидетельский документ, который составил» (стр. 90), а «свидетели, которые подписали» (ср., например, RES, 3854, 10: 'sm'm/dt'lm). Во «Введении» автор говорит о «полном отсутствии в надписях глаголов и местоимений 1-го и 2-го лица» (стр. 13), но на стр. 88—89 приводит примеры употребления самостоятельного местоимения 2-го лица 't и местоименных суффиксов k и km.

Формулировки не всегда достаточно четки и понятны. Так, например, вызывает удивление фраза: «Вероятно внутри древнеюжноаравийского языка обе фонемы в написании уже не различались вследствие сдвига [z] > [s]» (стр. 40). По-видимому, автор имеет в виду исчезновение фонемы z и ее переход в s, но даже в таком виде это утверждение слишком категорично, так как написания с «первоначальным» знаком (quz, slmt) встречаются несравненно чаще, чем с измененным (quz, slmt). Лучше соответствует материалу мнение А. Бистона, по которому смешение t и s произошло лишь в некоторых районах южноарабского языкового ареала¹².

Совершенно неясной для читателя остается позиция Г. Бауэра по вопросу о сабейских окончаниях двойственного числа имени в определенном состоянии -nn и -hn. Она изложена следующим образом: «А. Ф. Л. Бистон считает, что в раннесабейских текстах можно обнаружить еще две формы окончания двойственного числа имени в определенном состоянии — -nn (J, 541, 8: b-'db-nn) и -hn (RES, 4781,1: nhl-hn). Первый пример во всяком случае спорен, ибо по контексту установить число невозможно, не исключено, что здесь окончание правильного множественного числа с нунацией. С окончанием -nn мы встречаемся в довольно поздних надписях из Сабы, например, bytnn (J, 716, 2); š'bnn (J, 716, 3). Что касается RES, 4781,1, то здесь автор про-

зайствованном иудейском имени и о надписи VI в. н. э., когда традиции южноарабской эпиграфики были уже в очень сильной мере разрушены.

¹¹ J. R u c k m a n s, Nouvelle interprétation d'un texte sabéen, BO, XXV, 1968, стр. 7—8

¹² B e e s t o n, Grammar, 9,6.

сто не обратил внимания на то обстоятельство, что в соответствии с новой проверкой текста слово должно читаться *nhlnhn*» (стр. 53—54)¹³.

Цитата производит впечатление, что Г. Бауэр отрицает существование обоих окончаний (-nn и -hn) в двойственном числе, тем более, что они не включены и в таблицу на стр. 53. Однако в приведенных автором ссылках на надписи *Ja, 716* двойственное число явно следует из контекстов: *bytnn/hnn/wdgrhn* «два дома, Харан и Зархан» и *š'bnn/hšdm/wgumn* «два племени, Хашид и Гайман». Вряд ли этого мог не заметить Г. Бауэр, впервые использовавший надпись (опубликованную уже после выхода в свет грамматики А. Бистона) в качестве грамматического примера.

О втором окончании Г. Бауэр пишет несколько ниже: «В сабейском мы находим окончание -hn как показатель двойственного числа в позднейших надписях, например, *bythn* (J, 734, 5)» (стр. 54). Таким образом, автор, вероятно, возражает А. Бистону лишь по вопросу о квалификации окончаний -nn и -hn как раннесабейских. Но тогда почему же они отсутствуют в таблице на стр. 53?

Отметим некоторые очевидные ошибки: хадрамаутский предлог *h* соответствует не «обычному *k*» (стр. 37), а минейскому *k* и обычному (сабейскому, катанскому и общесемитскому) *l* (ср. стр. 23, где это же соотношение изложено правильно). В выражениях типа *bn/hzfrn* «из (рода) Хазфарам» *bn*, безусловно, не предлог, как полагает автор (стр. 97), а существительное «сын», вводящее родовое имя; оно может изменяться по родам и числам.

Довольно значительно количество невыправленных опечаток в транслитерации текстов и к сожалению, список опечаток отсутствует. Особенно досадны опечатки в таблице 8 (стр. 91): *hwyt* вместо *hmyt* (двойственное число указательного местоимения)¹⁴ и *bn* вместо *hn* (женский род множественного числа указательного местоимения), и *htbn* вместо *htbw* в тексте RES, 3951,1 (стр. 109, 112), что привело к ошибкам в грамматическом толковании: на стр. 109 автор толкует глагол как инфинитив (вместо перфекта), а на стр. 112 — как единственное число (вместо множественного).

Отмеченные неточности и ошибки касаются лишь частных, они очень легко исправимы и ни в коей мере не мешают пользоваться книгой специалисту в области южно-арабской эпиграфики. Однако они легко могут ввести в заблуждение читателя, обращающегося к работе как к справочнику или к учебному пособию. Это и заставило нас перечислить все замеченные неточности.

Однако все сказанное не меняет высокой оценки работы Г. М. Бауэра как крайне нужной, очень полезной для широких кругов читателей книги и составляющей важный этап в развитии советской сабейстики.

А. Г. Лундин

¹³ Следует ссылка 83: «WZKM, 45, S. 22». Отметим, что статья М. Хёфнер в WZKM, вышедшая в 1938 г., никак не может быть названа «новой проверкой» текста, опубликованного «Репертуаром» в 1950 г. Напротив, она содержит *editio princeps* указанной надписи, воспроизведенное «Репертуаром». Речь идет лишь об исправлении опечатки «Репертуара», кстати, отмеченной уже А. Бистонем (B e e s t o n, Grammar, стр. 74, прим. 110).

¹⁴ Форма *hmyt* как множественное число указательного местоимения кажется чрезвычайно сомнительной. Она основывается на единственной надписи *Ja, 574*, причем по контексту имя должно стоять в двойственном числе.

В. М. МАССОН, *Средняя Азия и древний Восток*, М. — Л., 1964, 467 стр.

Значение древнего Востока для изучения древнейших этапов истории обществ известно. Именно там возникают первые цивилизации и государства, создаются культурные ценности, сохранившие свое значение порой вплоть до наших дней. Новые археологические материалы показывают, что эта особая роль древнего Востока начинает проявляться весьма рано, по крайней мере с X—VII тыс. до н. э., когда здесь в ряде локальных центров происходит переход к таким прогрессивным формам хозяйства, как земледелие и скотоводство. Обобщению

этих археологических материалов, попытке исторического синтеза дописанной эпохи стран древнего Востока посвящен ряд исследований, из которых наибольшую известность получила книга Г. Чайлда¹. Этой проблематике по существу посвящена и рассматриваемая книга. Однако от работы Г. Чайлда она отличается не только использованием более новых данных, появившихся в печати. Проводя в течение многих лет рас-

¹ Г. Ч а й л д, *Древнейший Восток в свете новых раскопок*, М., 1956.

копки в Южном Туркменистане, В. Массон впервые в широком масштабе вводит эти новые среднеазиатские материалы в древневосточную проблематику, рассматривает археологические комплексы и культуры Передней Азии в свете выводов и наблюдений, сделанных в процессе изучения памятников Средней Азии.

Рецензируемая книга состоит из двух частей: первой — «Образование раннеземледельческих культур» (стр. 3—120) и второй, много большей по объему — «Расцвет культур крашеной керамики» (стр. 123—456). В настоящее время уже появилось несколько рецензий на книгу В. Массона, что отчасти облегчает нашу задачу². Особенно это касается первой части, подробно рассмотренной А. П. Окладниковым, непосредственно занимавшимся каменным веком Средней Азии. Это обстоятельство дает нам право лишь в общих чертах остановиться на первой части монографии В. Массона и более подробно рассмотреть текст второй части рецензируемой книги.

В первой части основой исторической концепции автора является положение о полицентрическом происхождении раннеземледельческих культур. Вместе с тем ставится вопрос о выделении особого периода развития раннеземледельческих культур, характеризуемого сочетанием новых прогрессивных элементов в хозяйстве и культуры и архаических, пережиточных, восходящих к мезолитической эпохе. Вместе с тем, в разделении эпох присваивающей и производящей экономики В. Массон в значительной мере следует схеме Р. Брейвуда.

Начав с краткого обзора памятников каменного века Средней Азии, автор как бы намечает тот историко-культурный фон, на котором в дальнейшем складываются и развиваются рассматриваемые им культуры. Особенно большое внимание уделено прикаспийской мезолитической культуре, материалы которой рисуют начальные этапы становления производящего типа хозяйства. Немного словно, но с большой тщательностью охарактеризована материальная культура джейтунских племен — древнейших земледельцев на юго-западе Средней Азии. Автор четко выделяет две стороны в развитии этой культуры: архаические элементы и новые, прогрессивные, связанные со становлением поливного земледелия. В. Массон многие годы лично принимал участие в раскопках поселения Джейтун, так что характеристика материалов этого памятника отличается исчерпывающей полнотой и точностью. Вызывают неко-

торые сомнения лишь второстепенные частности. Так, расположение поселения Джейтун на вершине песчаного бугра автор объясняет стремлением жителей обезопасить себя от внезапного нападения (см. стр. 27). Представляется, что скорее это было связано с необходимостью оградить поселок от сильных паводковых разливов вод, как это теоретически допускал еще Д. Д. Букин³.

Не ограничившись характеристикой самой джейтунской культуры В. Массон переходит к рассмотрению проблемы происхождения известных в настоящее время земледельческих культур Ближнего Востока в целом. Следует сразу же отметить, что свои выводы автор строит на конкретных фактах, проявляя подлинный историзм в их общей оценке. Масштабный подход к этой чрезвычайно важной проблеме проявляется в частности и в том, что автор избежал соблазна преувеличить значение «своей» джейтунской культуры, а объективно наметил ее место в системе сходных культур Ближнего Востока. Опираясь огромным фактическим материалом и нередко пересматривая существующие гипотезы, автор не встал на столь популярный, но не всегда оправданный путь первооткрывателя все новых культур, а ограничился выделением двух основных ареалов становления земледельческого хозяйства древнего Востока: 1) Восточное Средиземноморье и сиро-килийская культура и 2) Северный Ирак, Северный Иран и юго-запад Средней Азии. Важно отметить, что В. Массон не делает поспешных выводов и в своих построениях исходит из перспективы будущих открытий. Так, при всей значимости натufийского мезолита автор дает вполне трезвую и объективную оценку, указывая, что «Палестина отнюдь не была какой-то особой избранной страной, в которой совершались эти важнейшие изменения», а что здесь мы имеем пример частного проявления общего процесса развития (стр. 118).

Большую осторожность проявляет автор и в вопросе о взаимоотношении культур Джармо и Хассуна. Однако, если Р. Брейвуд не пошел дальше простой констатации факта, что кремневый набор орудий Хассуны в целом отличен от соответствующих материалов Джармо, то автор прямо допускает существование переходного, еще не обнаруженного исследователями этапа (стр. 51).

Большое место в первой части рецензируемой книги уделено вопросу о происхождении джейтунской культуры.

² G. Glaesser, «East and West» (Roma), 15, 1965, 3—4; А. П. Окладников, СА, 1968, № 1.

³ Д. Д. Букин, История первобытного орошаемого земледелия в Закаспийской области в связи с вопросом о происхождении земледелия и скотоводства, «Хлопковое дело», 1924, № 3—4.

Справедливо отметив, что памятники прикаспийского мезолита рисуют сравнительно позднюю стадию собирательства дикорастущих злаков, автор вместе с тем допускает, что племена со сходной культурой образовывали тот фон, на котором выросла сама джейтунская культура (стр. 18). С одной стороны, допускается наличие ряда генетических связей между мезолитом Прикаспия и джейтунской культурой, а с другой, говорится, что протожейтунцами были мезолитические племена Эльбурса и Туркмено-Хорасанских гор (стр. 108—109), что естественно не оставляет у читателя целостного представления. Действительно, теоретически допускаемая автором и в высшей степени вероятная мезолитическая культура Туркмено-Хорасанских гор и хорошо известный прикаспийский мезолит, хотя и могут восходить к единой раннемезолитической общности, все же накануне перехода к производящему хозяйству уже представляли собой скорее всего две отличные по хозяйственной направленности культурные зоны.

Благоприятные природные условия Туркмено-Хорасанских гор способствовали быстрому переходу местных племен к сбору дикорастущих злаков и накоплению элементарных земледельческих навыков. Этот более быстрый прогресс (сравнительно с прикаспийским мезолитом) мог быть стимулирован и расселением племен из Иранского Курдистана (Тепе Аснаб, Тепе Сораб), к тому времени уже освоивших земледелие. Уже после выхода в свет книги В. Массона в районе распространения памятников прикаспийского мезолита открыты поселения⁴, материальная культура которых аналогична джейтунской и скорее является ее составной частью. Все сказанное дает основание полагать, что скорее всего выходцы из Туркмено-Хорасанских гор основали свои первые земледельческие поселки у подножий Копет-Дага, тем самым заложив основу джейтунской культуры. Вообще же в связи с открытиями на крайнем юго-западе Копет-Дага (долина Горгана) и крайнем юго-востоке (район Меана-Чача) новых неолитических памятников, видимо, следует пересмотреть существующую точку зрения, что первые поселенцы появились раньше всего в Ахале и лишь позднее расселились на Восток и Запад. Не вдаваясь в подробности, укажем лишь, что не исключен более широкий ареал раннеджейтунских поселений, памятники которых следует ожидать ближе к горам, где имелись

более благоприятные экологические условия для возделывания культурных злаков.

В результате своего исследования В. Массон выдвигает и обосновывает чрезвычайно важную и в высшей степени плодотворную концепцию о полицентрическом характере возникновения древнейшего земледелия, что является блестящим подтверждением на археологическом материале широко известной теории академика Н. И. Вавилова о древних центрах происхождения культурных растений⁵. Новейшие археологические открытия на древнем Востоке полностью подтверждают выдвинутую В. Массоном концепцию, предоставляя все новые фактические доказательства в ее пользу.

Заканчивая краткий обзор первой части, отметим, что В. Массон использует в своей монографии огромную литературу и в целом вполне объективно оценивает труды своих предшественников, в том числе и зарубежных. Правда, местами слишком прямолинейной выглядит критика Р. Брейдвуда (стр. 306 и др.) тем более, что сам автор неоднократно отмечает, что построения этого ученого имеют в целом положительное значение. Хотя В. Массон правильно критикует Р. Брейдвуда за его методику полевых исследований, не эти частности характеризуют Р. Брейдвуда как ученого и исследователя.

Вторая часть книги В. Массона посвящена следующему периоду истории рассматриваемых областей, когда здесь происходило дальнейшее развитие уже сложившихся земледельческо-скотоводческих культур, а в ряде мест — разложение первобытнообщинного строя и формирование раннеклассовых обществ. Здесь основой всего изложения служит тезис о неравномерности процесса исторического развития и о выделении в связи с этим трех больших зон: зоны городских цивилизаций, зоны земледельческо-скотоводческих общин и зоны архаических культур охотников, рыболовов и собирателей. Характер и соотношение этих трех зон подробно анализируется на материалах Средней Азии, Ирана, Афганистана и Индии. При этом под городскими цивилизациями имеются в виду раннеклассовые общества Месопотамии, Элама и долины Инда, культура которых характеризуется наличием крупных населенных центров с высоко развитым ремеслом и торговлей.

Вторая часть рецензируемой книги открывается главой «Средняя Азия в эпоху энеолита», в которой автор дает краткую, но исчерпывающую характери-

⁴ V. E. Crowford, Beside the Kara Su, «The Metropolitan Museum of Art. Bulletin», 1963; J. Deshayes, Cera-miques Peintes de Tureng Tepe, «Iran», V, 1967.

⁵ Н. И. Вавилов, Ботанико-географические основы селекции — Академик Н. И. Вавилов, Избранные труды, т. II, М.—Л., 1960.

стику среднеазиатского археологического материала конца V—IV тыс. до н. э. Естественно, что главное внимание уделено истории материальной культуры энеолитических племен Южного Туркменистана, продолжавших развивать земледельческие традиции предшествующего неолитического периода. Автор вполне оправданно не останавливается на археологической периодизации энеолитических культур, а главное внимание сосредотачивает на исследовании эволюции хозяйства, культуры и общественных отношений. Применительно к эпохе энеолита В. М. Массон выделяет два периода, первый из которых характеризуется преобладанием на поселениях одноквартирных домов и относительно слабым развитием внешних контактов. Во второй период поселения состоят уже из многоквартирных домов, а усиление внешних контактов позволяет ставить вопрос о переселении отдельных племенных групп на территории Южного Туркменистана. Историзм в освещении чисто археологического материала выгодно отличается все дальнейшее изложение автора.

На основе анализа обширного материала автор выдвигает весьма плодотворную идею о существовании в Средней Азии в это время двух культурно-исторических зон: земледельческих общин юго-запада Средней Азии и охотников и рыболовов остальной территории страны (стр. 182). Однако ряд частных положений автора не может считаться окончательным. Так, можно указать, что вопрос о заселении Юго-Восточной Туркмении в эпоху энеолита выходцами из Западного Туркменистана не бесспорен. Имеющиеся фактические данные не противоречат и иному предположению, когда, например, Геоксюрский оазис мог быть основан выходцами из Юго-Восточной области⁶.

Не менее сложной остается и проблема происхождения керамики так называемого геоксюрского стиля, которая, по мнению автора, сложилась как на основе местных традиций, так и под ирано-месопотамскими воздействиями (стр. 148). На наш взгляд, роль местного компонента в сложении керамики геоксюрского стиля практически не ощущается и в целом этот комплекс обязан своим происхождением керамическому искусству Юго-Западного Ирана⁷. Не исключено, что в дальнейшем будет правильное говорить о «геоксюрской культуре» с ее ярким керамическим стилем, харак-

терной антропоморфной пластикой и, наконец, коллективными захоронениями в склепах-толосах.

Большие сомнения вызывает и тезис автора о том, что посуда кельтеминарской культуры «... находит прямые прототипы в гончарных изделиях оседлых общин юга» (стр. 177). Эта гипотеза впервые была сформулирована в самой общей форме С. П. Толстовым, а затем конкретизирована А. В. Виноградовым. Однако за прошедшие 20 лет, кроме чисто теоретических рассуждений, не получено ни одного прямого археологического факта, который подвел бы под эту теорию достаточно веские основания⁸. Создается странное впечатление, когда В. Массон в подтверждение этой гипотезы ссылается на А. Виноградова, а последний, в свою очередь, на В. Массона⁹.

Все сказанное отнюдь не исключает вполне вероятных связей между кельтеминарскими племенами и общинниками южных областей, но предостерегает от слишком категоричных выводов, впредь до получения фактических данных.

В следующей главе «Иран в V—III тыс. до н. э.» автор не только рассматривает весь известный археологический материал, но по существу намечает и обосновывает первую археологическую периодизацию древнейшей истории Ирана. Следует сразу же отметить, что новейшие данные не только не поколебали основных положений автора, но наоборот предоставили дополнительные подтверждения в их пользу. Не ограничившись установлением чисто археологической периодизации, что само по себе является большим вкладом в изучение древнейшего прошлого этой страны, автор намечает и общие исторические контуры развития местных племен в указанное время. В этом отношении рассматриваемая глава имеет самостоятельное значение и выгодно отличается от иных толстых монографий, в которых отсутствуют даже попытки исторической интерпретации археологических фактов¹⁰.

В. Массон справедливо подвергает критике Ванден Берга за его необоснованное выделение все новых и новых культур на основании лишь различий в керамических стилях. Содержание главы красноречиво показывает, что не количественное выделение новых «культур», а углуб-

⁶ В. Сарияндп. Памятники позднего энеолита Юго-Восточной Туркмении, САИ, М., 1964, стр. 47.

⁷ Старую точку зрения по этому вопросу см. В. Сарияндп. Памятники позднего энеолита Юго-Восточной Туркмении, САИ, М., 1965.

⁸ Сравнительная таблица орнаментов, составленная В. Массоном, во многом носит чисто формальный характер. См. В. Массон, Южнотуркменистанский центр раннеземледельческих культур, ТЮТАКЭ, т. X, 1960, рис. 13.

⁹ А. В. Виноградов, Неолитические памятники Хорезма, М., 1968, стр. 137 сл.

¹⁰ L. Vanden Berghе, Archeologie de l'Iran Ancien, Leiden, 1959.

ленное, качественное изучение внутренних процессов развития хозяйства племен содержит в себе ключ к подлинно историческому пониманию прошлого этой страны. Именно такой комплексный подход к поставленной задаче и проявляет В. Массон, что позволяет ему выдвинуть и обосновать чрезвычайно важный тезис о разделении древнего Ирана на зону городской цивилизации и зону земледельческих общин. Автор убедительно показывает, что высокий уровень ремесел, благоприятные природные условия и древняя ирригация, высокие урожаи и как следствие всего этого большее количество прибавочного продукта способствовали тому, что именно в Эламе возникает древнейшая государственность. Хотя неравномерная изученность отдельных регионов Ирана оставляет открытым многие частные вопросы этой проблемы, в целом концепция В. Массона выглядит несравненно более убедительной и обоснованной, чем, например, мнение М. Меллоуэна¹¹.

Со своей стороны лишь отметим, что сложение городской цивилизации на северо-востоке Ирана «в раннемидийский период» (стр. 244), возможно, следует отнести к более раннему времени. В свете сделанных открытий в Южном Туркменистане можно ожидать, что этот процесс применительно к Северному Ирану должен был завершиться уже к середине II тыс. до н. э.

В. Массон впервые и совершенно справедливо показал, что широко распространенное в западной литературе мнение о приходе в Иран «племен серой керамики» из районов Средней Азии следует считать ошибочным и не имеющим под собой абсолютно никаких реальных оснований (стр. 242). Автор вполне справедливо высказывает сомнение о том, что в нижних слоях Сяллка отсутствует сырцовая архитектура (стр. 195); можно полагать, что строения этого времени были сложены из «булок» наподобие тех, из которых возводились дома на поселениях джейтунской культуры.

Третья глава «Раннеземледельческие общины Афганистана и Индии», пожалуй, одна из наиболее сложных во всей книге. Это в первую очередь объясняется обилием материала, часто не стратифицированного, но послужившего основанием для объявления чуть ли не каждого керамического стиля самостоятельной культурой. Особенно ярко это положение отразилось в книге Д. Гордона, которой В. Массон дает резкую, но вполне справедливую оценку.

Правда, как отмечает В. Массон, его работа над данной главой была облегчена благодаря известной книге С. Пигготта, которому автор в ряде вопросов

и следует в своем дальнейшем изложении. Однако с момента опубликования книги С. Пигготта прошло 15 лет, так что накопился большой новый материал, который В. М. Массон представляет в обобщенной форме, подчиненной единой исторической концепции.

Три главные проблемы представляют особый интерес этой главы. Первая касается проблемы происхождения раннеземледельческих культур Афганистана и Индии. Лакоично, но с исчерпывающей полнотой рассмотрев соответствующие материалы, В. Массон приходит к выводу, что в IV тыс. до н. э. здесь наблюдается запоздалое завершение того широкого процесса становления земледельческого хозяйства, который еще раньше охватил территорию Ближнего Востока. Причем роль своеобразного катализатора могло сыграть расселение западно-иранских племен, уже перешедших к земледелию (стр. 260). Такая постановка вопроса в общей форме вполне соответствует современному уровню наших знаний, что, разумеется, не исключает ее дальнейшего уточнения. Можно лишь указать, что начало этого процесса, возможно, следует относить полностью к V тыс. до н. э.¹² Как кажется, пятиметровая «докерамическая» толща Кили Гхул Мухаммад I может таить в себе тот начальный этап становления местного земледельческого хозяйства, который получает свое завершение вместе с появлением посуды типа «basket market» этого памятника, а также соответствующего комплекса Саид Кала. Совершенно прав автор, когда он вслед за В. Фэрсервисом и Ж. Касалем склоняется именно в пользу широкого проникновения племен из более западных районов, принесших с собой новую технику керамического производства, чем к предположению о простой диффузии идеи гончарства. Как кажется, последние открытия, свидетельствующие о распространении культуры Кили Гхул Мухаммад II дальше на юг, Белуджистана¹³, дают этому предположению дополнительные основания.

Следует отметить, что автор прямо связывает приход сюда нового населения с расселением на Восток центрально-иранских племен, возможно, обусловленным обменной торговлей лазуритом (стр. 267). Однако было бы неверно начисто исключать значение Северо-Восточного Ирана, который при всех вариантах должен был являться по крайней

¹² W. Fairervis, The Origin, Character, and Decline of an Early Civilization, «American Museum Novitates» (N. Y.), № 2302, 1967.

¹³ B. de Gardi, Excavations and Reconnaissance in Kalat, West Pakistan, «Pakistan Archaeology» (Karachi), 1965, № 2.

¹¹ M. E. Mallowan, Early Mesopotamia and Iran, 1965.

мере промежуточным звеном в предполагаемом расселении. Кроме того, многие мотивы орнаментов посуды находят аналогии не только в памятниках типа Гиссар—Сиалк, но и в Южном Иране в зоне распространения «buff culture».

Вторая проблема — происхождение древнеиндийской цивилизации. Можно полностью согласиться с автором, что первое освоение Пенджаба было связано с проникновением сюда земледельческих племен из Эхоба (стр. 263). Более сложен вопрос о первых колонистах долины р. Инда и о конкретных путях сложения хараппской культуры. По мнению автора, обнаружения «дохараппских» слоев в Амри и Кот Дики показывает, что «...древнеиндийская цивилизация уже не представляется загадочным явлением, а может рассматриваться как закономерная фаза в ходе эволюции оседло-земледельческой культуры» (стр. 265). Сама по себе такая формулировка вполне справедлива, однако верно и то, что она не решает самой проблемы, до сих пор волнующей умы многих археологов. Нет необходимости перечислять все теории, связанные с хараппской проблемой, равно как и ее отдельные реплики в шумеро-эламском мире. Остается фактом то, что и в Амри и Кот Дики хараппской культуре предшествуют мощные слои пожара. Более того, происхождение самого дохараппского комплекса Кот Дики до сих пор, на наш взгляд, не находит своего убедительного объяснения¹⁴.

Третья проблема касается существования двух зон на территории Индии: зоны охотников и рыболовов и зоны земледельческих общин (стр. 268). Этот тезис аргументирован настолько обстоятельно, что не вызывает абсолютно никаких сомнений.

Весьма осторожно касается автор и проблемы арийского завоевания, так же как и вопроса о причине упадка поселения Мундигак V. В обоих случаях автор трезво оценивает скудость наших знаний и вполне оправданно не встает на путь заманчивых, порой эффектных, но малообоснованных гипотез.

Глава IV «Эволюция жилых домов и проблема общественного развития» посвящена главным образом теоретической разработке сложной проблемы, к тому же совершенно не освещенной письменными источниками. Попытка автора в этом направлении представляется весьма плодотворной. Исходя из известной предпосылки Л. Моргана о том, что состояние общества и семьи отражено в жилищной архитектуре, В. Массон на основе анализа планов раскопанных поселений реконструирует былые формы обществен-

ной жизни племен Южного Туркменистана.

В результате тщательного анализа автор приходит к выводу, что поселки неолитического времени состояли из однокомнатных домов, являвшихся местом обитания парных семей. Такая же картина, по его мнению, наблюдается и для раннеэнеолитического времени; лишь в пору позднего энеолита (Намазга III) однокомнатные дома сменяются многокомнатными домами-массивами, в которых обитали самостоятельные больше-семейные общины (стр. 327). Как уже указывалось выше, эта концепция В. Массона достаточно хорошо аргументирована и в общей форме представляется весьма перспективной.

Однако некоторые ее частные моменты уже сейчас могут быть несколько уточнены. Так, далеко не бесспорно предположение автора, что все без исключения энеолитические поселения Геоксюрского оазиса (а именно на анализе их по существу и построена вся концепция автора) дают застройку однокомнатными домами. Имеется и иная точка зрения¹⁵. Следует учитывать, что для выделения отдельных комплексов в системе всего поселения пока нет твердых критериев, так что в их оценке присутствует определенный элемент субъективизма. Для примера укажем, что руководитель раскопок на поселении Дашлыджи-депе выделял лишь пять комплексов¹⁶, в то время как В. Массон склонен видеть здесь «... по крайней мере семь хозяйственно-жилых комплексов» (стр. 311); последнее представляется более правильным. Также спорной является оценка планировки на раннеэнеолитическом поселении Ясы-депе, которая, по мнению Б. А. Куфтина, представляла собой многокомнатный комплекс¹⁷, но с чем не соглашается В. Массон (стр. 312).

Возможно, следует считать, что между периодами однокомнатных (неолит, Анау I A) и многокомнатных (поздний энеолит, Намазга III) домов существовал промежуточный, переходный период, который никак нельзя безоговорочно относить к эпохе бытования однокомнатных домов. Именно в этот переходный период могли существовать поселения с двумя типами застроек, дающих то эволюционное звено, которое лучше всего подтверждает всю правомочность сформулиро-

¹⁵ В. Сарияниди, Некоторые вопросы древней архитектуры энеолитических поселений Геоксюрского оазиса, КСИА, 91, 1962.

¹⁶ И. Хлопин, Дашлыджи-депе и энеолитические земледельцы Южного Туркменистана, ТЮТАКЭ, X, 1960, стр. 143 сл.

¹⁷ Б. А. Куфтин, Полевой отчет о работе XIV отряда ТЮТАКЭ, ТЮТАКЭ, VII, 1956.

¹⁴ F. A. Khan, Excavations at Kot Diji, «Pakistan Archaeology», 1965, № 2.

ванной автором концепции. Это тем более так, если учесть, что сложение большесемейных общин, по справедливому мнению автора, «... приходится еще на период раннего энеолита» (стр. 347), как было уже отмечено на анализе соотношения культовых построек и жилых комплексов в системе отдельных поселений¹⁸.

В. Массон допускает, что аналогичная закономерность в застройке поселений существовала во всем Южном Туркменистане, что само по себе вполне вероятно. Пока, как отмечает автор, нам не известна планировка ни одного поселения времени Намазга I—II в западной части, однако надо полагать, что будущие раскопки подтвердят и это предположение.

Как справедливо отмечает автор, хотя выдвинутую им концепцию и нельзя возводить в универсальный абсолют, все же в ряде областей Переднего Востока древнейшей формой домостроительства были также поселения с однокомнатными домами (стр. 327). Блестящим подтверждением этого может служить неолитическое поселение Неа Никомедия в Греции, комплекс однокомнатных домов которого поразительно напоминает общий план Джейтуна. В такой же мере дома малоазийского поселения Чатал Гююк¹⁹ с камнями-очагами в центре почти аналогичны Джейтунским, а общая эволюция планировки поселения от нижних слоев до верхних в целом близко напоминают картину, отмеченную для юго-запада Средней Азии.

Глава V «Изображения животных на расписной керамике» посвящена важной и сложной проблеме — интерпретации зооморфных сюжетов на различных изделиях древних земледельцев. Автор не ограничивается материалами только Средней Азии, а рассматривает эту проблему много шире в масштабе всего древнего Востока, причем не ограничивается только керамическим искусством, но и включает орнаменты на амулетах и печатях. Привлекая большой этнографический материал (хотя в ряде случаев слишком увлекаясь этнографией Америки и Австралии), автор приходит к выводу, что зооморфные орнаменты в конечном счете связаны с тотемическими представлениями, в эволюции которых он выделяет три этапа. Первый — архаический, когда сохраняются тотемические названия родов, частично тотемическая магия. Второй этап характеризуется упадком тотемизма при сохра-

нении изображений животных как символов-гербов родовых групп. И, наконец, для третьего этапа, связанного с раннеклассовым обществом, характерно сохранение незначительных тотемических пережитков и ритуальных обрядов. Нельзя не признать, что выдвинутая В. Массоном схема подкупает логичностью аргументации, основанной к тому же на массовом и разностороннем материале. Учитывая всю сложность самой проблемы, которую порой решали совершенно фантастическим образом, а чаще всего вообще обходили, следует признать, что концепция автора выгодно отличается трезвостью рассуждений. При всех возможных дальнейших уточнениях схема В. Массона в целом отвечает состоянию наших нынешних знаний и поднимает проблему изучения религиозных верований древнего Востока на новую ступень. Автор, видимо, прав, когда связывает изображения животных именно с тотемическими представлениями в противовес теории об отражении большой роли охоты в среде оседло-земледельческих племен Ближнего Востока. Правда, как кажется, автор слишком увлекается, детализируя свою схему применительно к материалам Кара-депе, когда допускает, что наряду с общим племенным тотемом козла отдельные роды и большесемейные общины могли иметь тотемы барсов, орлов, коров и т. д. Ведь автор сам установил, что это «нашествие» зооморфных сюжетов связано с приходом сюда центральноиранских племен в период Намазга III, так что указанные мотивы не имеют глубоких местных традиций. Было бы странно полагать, что пришельцы как у себя на родине (в Силке?) расселились на Кара-депе по признаку родовых тотемов, да к тому же их примеру последовали и местные карадепинцы, ранее вообще не знакомые (исключая тотемы козла?) с этими тотемами. Это тем более сомнительно, если учесть, что именно для этого периода автор допускает угасание тотемических представлений. Кажется, что применительно к Южному Туркменистану широкое использование зооморфных сюжетов в это время больше связано с новой модой в керамическом искусстве. Не исключено также, что отдельные тематические сцены на сосудах, возможно, отражают устные мифы и предания, некогда бытовавшие в среде местных племен. Однако все эти частные и далеко не бесспорные замечания отнюдь не ставят под сомнение главный тезис автора об отражении в зооморфных сюжетах былых тотемических представлений.

Зато трудно согласиться с утверждением автора об исключительном влиянии корзинного и плетеного на сложение древнейших керамических орнаментов (стр. 356.) Здесь автор несколько механически переносит схему, выявлен-

¹⁸ В. Сарнидиди, Некоторые вопросы древней архитектуры энеолитических поселений Геоксюрского оазиса, КСИА, 91, 1962.

¹⁹ J. Mellaart, Excavations at Catal Hüyük, 1965, Anat. St., XVI, 1966.

ную для индейцев Северной Америки, на среднеазиатскую почву. Естественно, что на начальных этапах сложение керамического искусства в ряде областей древнего Востока и могла существовать подобная взаимозависимость, однако вряд ли это была универсальная схема. В самом деле, даже в «скобчатой» росписи джейтунской посуды автор склонен видеть влияние корзинного плетения, но в таком случае остается непонятным происхождение основного, ведущего орнамента этой культуры — струйчатого. Обнаружение циновок с прямым плетением в домах джейтунской культуры²⁰, как нам представляется, полностью исключает такое предположение. И совершенно напрасно автор сетует на отсутствие тканей, орнаменты которых могли быть скопированы гончарами Геоксюра и Кара-депе (стр. 355). Если даже такая связь и имела, то ее следовало бы ожидать не на территории Средней Азии, а в тех районах древнего Востока, где зародился и сложился орнамент геоксурского стиля.

В главе VI «Переселение раннеземельских племен» дается развернутое обоснование небольшой, но очень важной статьи, опубликованной автором еще раньше²¹. Здесь автор значительно расширил хронологические рамки своего исследования, начиная рассмотрение проблемы с расселения охотников палеолитического времени. В. Массон вполне убедительно аргументирует теорию о расселении племен халафской культуры с востока на запад, вплоть до Малой Азии. Оговаривая всю проблематичность вопроса о происхождении убейдской культуры, В. Массон осторожно допускает существование в горах Загроса своего рода «доубейдской» племенной общности. Если в вопросе о распространении убейдской культуры на север Месопотамии и дальше до Восточного Средиземноморья В. Массон в целом следует за уже высказанными в литературе мнениями, то теория о восточном направлении убейдского влияния полностью принадлежит ему самому. Обстоятельный анализ керамики соответствующей архитектуры и антропоморфной пластики не оставляет никаких сомнений в достоверности выдвинутого и сформулированного тезиса, имеющего исключительное значение для истории культурных связей и контактов племен, порой отдаленных друг от друга на многие сотни километров. Особенно ценно то обстоятельство, что автор не

рассматривает эти влияния в аморфном виде, а четко выделяет параллели, связывающие Южный Туркменистан с севером и югом Месопотамии.

Из мелких замечаний к этой главе можно указать, что комплекс Анау I А вряд ли можно рассматривать как простое воздействие гончарной продукции нижнего слоя Сяллка (стр. 416). В свете имеющихся данных представляется более правомерным связывать этот комплекс с «культурой Чешме Али», о чем еще раньше писал Д. Маккауэн. Вслед за многими авторами В. Массон склонен считать некоторые из круглых в плане сооружений зданиями особого, скорее всего культового назначения (стр. 422). Однако еще Г. Чайлд писал, что толосы Арпачии могли являться обычными хозяйственными помещениями²². В самом деле ни одно из таких сооружений, начиная от Хассуны и до Гавры, не дает никаких прямых археологических фактов (кроме необычной круглой формы) для определения их в качестве культовых сооружений. Более того, аналогичные здания из Южного Туркменистана, как правило, также содержат внутри хозяйственные, а часто мусорные отбросы. Странно предполагать столь утилитарное использование «святых мест», с постоянной закономерностью повторяющееся в каждом новом памятнике.

Еще десять лет назад В. Массон выдвинул гипотезу о проникновении на рубеже IV—III тыс. до н. э. в Южный Туркменистан племен с территории древнего Ирана, что к настоящему времени получило свое полное подтверждение не только в археологических, но и в антропологических материалах.

В «Заключении» автор кратко суммирует основные положения, выдвинутые в соответствующих главах своего труда. Особенно важен его вывод о том, что анализ конкретного материала по первобытной археологии древнего Востока подтверждает известное положение о закономерном характере исторического процесса. В. Массон придает при этом особое значение сопоставлению материалов Старого и Нового Света, в частности Перу и Месопотамии, как примеру независимого развития в рамках общих закономерностей.

Как же в целом оценивать труд В. Массона? Несомненно, выход в свет этой книги имеет большое значение не только для первобытной археологии и древней истории Средней Азии, но и для археологии и истории всего древнего Востока. Автор использовал и критически переработал колоссальный фактический материал, часто разбросанный по мелким изданиям (в том числе и зарубежным). Пожалуй, впервые в одном месте собран,

²⁰ О. Бердыев, Изучение памятников эпохи неолита Южного Туркменистана, сб. «Археологические открытия 1967 г.», М., 1968, стр. 342.

²¹ В. Массон, Восточные параллели убейдской культуры, КСИА, 91, 1962.

²² Г. Чайлд, Древнейший Восток в свете новых раскопок, М., 1956, стр. 177.

систематизирован и обобщен такой огромный материал, позволивший автору конкретно наметить общий ход исторического процесса на заре человеческой цивилизации Старого Света. Следует отметить, что рецензируемая книга является ценным и незаменимым пособием не только для студентов, но и специалистов, историков и археологов, занимающихся изучением древнего Востока. Но, разумеется, не в этом заключается основная заслуга автора — ценность книги в большой исследовательской работе, в тонком анализе огромного, часто необозримого

материала и в глубоких обобщающих выводах. Смелый в постановке проблем, но осторожный в выводах, автор все-сторонне рассматривает многие вопросы, как бы резервируя последующие возможности их интерпретации. Следует указать, что В. Массон удачно избежал многих мелочей, не увлекся детализацией отдельных частностей описательного характера и сумел нарисовать широкую картину, в которую органически вписаны конкретные данные.

В. И. Сарианиди

R. GUILLAND, *Recherches sur les institutions byzantines*, I—II, Berlin — Amsterdam, 1967, I, XVI + 607 стр.; II, 397 стр.

В издаваемой И. Ирмпером серии «Berliner Byzantinische Arbeiten» (т. 35) вышла книга французского ученого Р. Гийана, посвященная административной системе в поздней Римской империи и в Византии. Книга эта — не систематический очерк римско-византийской администрации, но сборник статей, опубликованных Гийаном в различных журналах за 1938—1962 гг. Книга разделена автором на три неравные части. Первая из них, названная «Византийская аристократия» (I, 15—150), включает в себя особую главу о знати IV—V вв. По мнению Гийана, аристократия в эту пору формировалась прежде всего как «знать функционеров», т. е. знатность данного лица определялась его служебным положением; аристократический титул не переходил от отца к сыну. Император Валентиниан I пытался серией указов закрепить иерархию должностей. От этой служилой знати отчетливо отличалась наследственная или, пользуясь словами Гийана, «старая сенаторская аристократия» (стр. 23), хотя и не имевшая подчас придворных титулов, однако присваивавшая исключительно себе монополию благородства. Помимо этого, Гийан затрагивает позднеантичную эпоху в более специальных главах: о лишении титула, о наследственной передаче титула и в меньшей степени в главах о продаже должностей и о церемонии проскинесиса.

Основная часть книги озаглавлена «Должности и титулы» (I, 153—607; II, 1—229) и в свою очередь распадается на несколько разделов. Первый из них — «Евнухи в Византийской империи», где автор рассматривает, в частности, специфически скопческие титулы, жаловавшиеся в поздней Римской империи. Кувикуларии, императорские спальничьи, составляли довольно многочислен-

ный разряд знатных слуг государя. Их роль была по преимуществу парадной: они стояли у дверей, когда император надевал или снимал корону, прислуживали ему за трапезой, должны были относить патриарху приглашения и выполняли аналогичные функции. Некоторые из них пользовались огромным влиянием: особенно велика была роль кувикулариев, управлявших государственными делами (Антиох, Евтропий, Хрисафий, Амантий), при дворе Аркадия и Феодосия II. Значение термина «примикирий» было более расплывчатым: церковные примикирии принимали участие в богослужении, в исполнении церковных песнопений; помимо того, в церквях были примикирии нотариев, служащие церковных канцелярий, часто упоминаемые в актах соборов V—VII вв. От церковных примикириев Гийан отличает примикириев-офицеров, непосредственно подчиненных магистру солдат. Этот же термин прилагался и к евнухам, придворным, входившим в состав персонала императорской опочивальни. Во главе евнухов императорской опочивальни стоял препозит, считавшийся в поздней Римской империи иллюстрием и принадлежавший к высшим чинам имперской иерархии. Евтропий, который первоначально был кувикуларием, получил в дальнейшем звание препозита; он был единственным евнухом, удостоенным титула консула. Препозитом служил первоначально и Нарсес, один из известнейших полководцев императора Юстиниана. Указом Феодосия II от 422 г. препозиты были приравнены по своим привилегиям к префектам и магистрам солдат.

Особый разряд императорских евнухов составляли спафарокувикуларии, или спафарии-кувикуларии, т. е. вооруженные мечами кувикуларии, стражники